

Ван Юаньчэнь поспешил вернуться в покои. Император Юйчэн сидел на краю ложа, явно довольный собой. Завидев слугу, он шутливо погрозил ему:

— Доберёшься ты у меня... Рано или поздно сошлю тебя на Западные горы.

Поняв, что гнев государя сменился на милость, евнух Ван подошёл ближе и вкрадчиво произнёс:

— Ваше Величество, раб ваш только что видел господина бакалавра Фу. Шёл он спешно, а лицо его так и полыхало багрянцем. Не захворал ли многоуважаемый господин?

Юйчэн не сдержался и прыснул со смеху.

— И впрямь заметил?

— Ошибки быть не может, Владыка десяти тысяч лет. Старый раб даже прошёл за ним несколько шагов, разглядел всё доподлинно. Да только бакалавр Фу так спешил, что и расспросить его не удалось.

Император кивнул, его взгляд потеплел.

— Кажется, будто он ко всему безучастен, но на деле стыдлив сверх всякой меры.

Слуги бесшумно подали чай и прибрали в покоях. После бурных споров и утренней суеты Юйчэн ощутил навалившуюся усталость. Сделав пару глотков, он откинулся на подушки и прикрыл глаза, погрузившись в полудрему.

Отправить Фу Исяня авангардом на войну, конечно, не было разумным решением. Император и сам это понимал. Однако во время утреннего доклада принц Чжуан держал себя вызывающе и напористо, не оставляя пространства для маневра.

— Цзыхоу доселе служил лишь в столице и не нюхал пороху, — разглагольствовал старый принц. — Ваш покорный слуга день и ночь заставлял его штудировать военные трактаты, уповая, что однажды он разделит бремя забот Вашего Величества. Ныне Бэйди у заставы Медной Горы бесчинствуют пуще прежнего, а старый генерал Фу занемог. В столице немало достойных мужей, да только иные для авангарда не годятся, а прочие слишком дряхлы для тягот похода. Мой сын Цзыхоу — самый достойный кандидат на должность авангардиста.

Чун И прекрасно знал, что старый лис давно метит на это место для своего сына. Высокомерие дяди разожгло в груди молодого императора глухой гнев, который едва удавалось сдерживать.

— Преданность и забота императорского дяди о государстве — пример для всего двора, —

холодно отозвался правитель. — Чун Дай действительно искусен как в науках, так и в ратном деле. В позапрошлом году, во время разгрома бунтовщиков у горы Цзинъань, его доблесть и тактический ум предстали пред Нашим взором во всей красе. Именно поэтому Мы держали его подле Себя, надеясь, что он наберётся опыта перед по-настоящему великим делом. Однако, дядя, на должность авангардиста у заставы Медной Горы у Нас уже есть верный человек.

Чун Яньцзи на мгновение опешил. Он лихорадочно перебирал в уме имена, но так и не смог разгадать замысел племянника. Ему и в голову не могло прийти, что император назовёт имя Фу Исяня — книжника, только сегодня получившего гражданский чин. На самом деле Чун И просто поддался порыву: он жаждал уберечь Чун Дая от этой ловушки, а из всех приближённых на ум первым пришёл именно Исянь.

Сделав шаг вперёд, принц Чжуан нахмурился:

— Ваше Величество, сие решение слишком легкомысленно. С каких пор книжные черви водят войска в бой?

— Сегодня императорский дядя сам мог убедиться, что таланты и стратегический ум нашего дорогого Фу безупречны. Он и в военном искусстве смыслит не хуже бывалых воинов. Изначально Мы планировали назначить его бакалавром-чтецом, позабыв на миг о тревожных вестях с заставы Медной Горы. Но теперь очевидно: лучшего кандидата не сыскать. Завтра же Мы подпишем указ о присвоении ему звания генерала, Покоряющего Варваров. А как только он вернётся с победой и снимет доспехи, займёт своё законное место в Академии Ханьлинь.

Принц Чжуан мысленно усмехнулся. Слегка повысив голос, он склонился в поклоне, но в его тоне сквозила неприкрытая угроза:

— Ваше Величество! Война на рубежах — не детская забава, чтобы раздавать чины по сиюминутному капризу. Вы изволили позабыть о рубежах Медной Горы, но старый раб неусыпно размышлял об этой угрозе. Моё сегодняшнее прошение — плод долгих раздумий, а не минутный порыв.

Видя, как нагло наступает старик, Чун И закипал от ярости и бессилия.

— Наш выбор также взвешен! Фу Исянь способен на великие свершения. Что же до Нашего кузена Чун Дая, то он — опора короны в самой столице. На него возложена охрана Запретного города. Мы бесконечно ценим его преданность и не можем отпустить его из Тяньцзина ни на шаг!

Принц Чжуан сделал ещё один шаг, нависая над тронном:

— Полноте, Ваше Величество. Спокойствие столицы оберегают комендант Девяти ворот Ван Цзэн и командир Доблестной кавалерии Хун Жуцзинь. Покой Запретного города хранит лично начальник гвардии господин Жуй Жун. Цзыхоу — всего лишь скромный телохранитель первого

ранга, тяжесть столь великих надежд ему не по плечу. Но коли Ваше Величество столь упорствует в желании отправить Фу Исяня на войну бок о бок с его отцом... Неужто вы желаете, чтобы всё воинство Поднебесной оказалось под началом рода Фу?

Заметив, как помрачнел Чун И, принц Чжуан выпрямился во весь рост и с победным видом закрепил удар:

— Оставим даже то, сколь нелепо сперва жаловать человеку гражданское платье, а наутро облачать в доспехи воеводы. Но когда отец и сын из одного рода одновременно берут в руки бразды правления армией — сие есть великое безрассудство. Покойный император перед кончиной доверил мне наставлять Ваше Величество в государственных делах. Старый слуга не смеет предать его волю. Я никогда не одобрю эту нелепую затею, грозящую бедой. Умоляю Ваше Величество одуматься и не совершать опрометчивых поступков, кои погубят империю. Старый слуга откланивается.

После ухода принца Чжуана Чун И долго сидел неподвижно, его лицо казалось высеченным из камня. Вскоре он велел тайно призвать во дворец Фу Исяня. Спустя время, за которое сгорает палочка благовоний, император внезапно впал в неописуемую ярость и разнёс Зал Резонирующей Гармонии в щепки.

Остыв, он глухо бросил столпившимся у порога слугам:

— Ван Юаньчэнь, немедленно отправь человека во дворец принца Чэна. Пусть шестой брат срочно явится ко Мне.

В роду Чун И насчитывалось шестнадцать братьев-принцев. Нынешний император и шестой принц, Чун Ю, были родными братьями — их произвела на свет добродетельная наложница Дуань. Поскольку Чун И ещё в нежном возрасте занял пустующий трон Восточного дворца в качестве наследника престола, между братьями неизбежно выросли глухие стены вражды и соперничества. Фракции множились, заговоры плелись один за другим, и доверять император мог лишь очень немногим.

Взойдя на престол под девизом Юйчэн, новый император пожаловал титулы пяти своим братьям:

Старший принц, Чун Чжао, стал принцем Жун;

Четвёртый, Чун Най — принцем Юй;

Шестой, Чун Ю — принцем Чэн;

Седьмой, Чун Жэнь — принцем Цзянь;

Одиннадцатый, Чун Эр — принцем Ань.

Второй принц Чун Хуэй и третий, Чун Цзинь, получили собственные поместья, но остались без высших титулов, находясь на побегушках у нового владыки. Пятый брат Чун Цзянь и десятый Чун Дэ безвременно ушли из жизни ещё в юности. Восьмому принцу, Чун Хуаню, даровали лишь титул Гуна Далёкой Справедливости.

Что же до девятого принца, Чун Хэна, то он был законнорождённым сыном прежней императрицы из влиятельного клана Дун. В своё время покойный государь, увлечённый наложницей Дуань, вознамерился возвести её на место законной супруги. Однако советники пали на колени перед троном, умоляя его отказаться от этой затеи. К тому же дядя императора, Дун Энь, крепко держал в руках Лагерь Доблестной Кавалерии в пригороде столицы, и переворота не случилось. И всё же законная супруга, императрица Дун, угасла от тоски и обиды всего за несколько дней. Чун Хэн же добровольно вызвался охранять покой её гробницы, отказавшись от любых почестей и титулов.

Остальные царевики — тринадцатый, пятнадцатый и шестнадцатый — были ещё совсем детьми и по сей день оставались на воспитании в глубине внутренних покоев дворца.

Принц Чэн, Чун Ю, с малых лет посвятил себя военному ремеслу. В юности он сопровождал покойного императора в походах против Бэйди и проливал кровь под началом старейших воевод империи. Ещё будучи наследником престола, Чун И проявил редкую дальновидность: он добился назначения шестого брата командующим армией Синин, расквартированной в Западных горах. После коронации Чун И забрал его в столицу, доверив дела Военного министерства. Сининская армия оставалась единственной силой, способной сдерживать грозный Лагерь Доблестной Кавалерии, что лишь подтверждало мудрость молодого монарха.

Пусть принц Чжуан исходил желчью, требуя назначить своего сына к заставе Медной Горы, — благодаря совету Фу Исяня у Чун И словно спала пелена с глаз. Шестой брат, принц Чэн, подходил на роль предводителя авангарда куда лучше легкомысленного бакалавра. Он был единокровным братом, доверить которому собственную жизнь казалось самым естественным делом. Высокий титул принца воодушевил бы уставших солдат, а непререкаемый авторитет позволил бы держать в узде старого упрямого генерала Фу Юаньтя.

Когда принц Чэн прибыл во дворец, Чун И повелел накрыть богатый стол. Они допоздна пировали вдвоём, обсуждая грядущую кампанию. Сведя все нити заговора воедино и найдя идеальный ответ на капризы старого дяди, братья разошлись далеко за полночь, чувствуя на душе долгожданное облегчение.

Два дня спустя император Юйчэн призвал принца Чжуана в боковой зал Резонирующей Гармонии для окончательного решения дела.

Второй год эры Юйчэн, лето, четвёртый месяц, Зал Прямой Добродетели.

Второй год эры Юйчэн, лето, четвертый месяц

Зал Прямой Добродетели

Перед лицом собравшихся сановников был зачитан священный указ императора:

«Принцу Чэну надлежит принять обязанности инспектора армии и незамедлительно отбыть к заставе Медной Горы. Чун Даю жалуются звание генерала, Покоряющего Варваров, вместе с Печатью авангарда. Означенным мужам надлежит собрать тридцатитысячное войско и выступить в поход в середине сего месяца».

<http://bllate.org/book/19874/2029086>